

няя Греция. И то и другое в повестях Карамзина не соответствует исторической правде. Писатель по-прежнему далек от пропикновения в истинный «дух эпохи». Но, как и в «Наталье», в «Афинской жизни» принципиальное значение имеют упоминания о «нашем веке», о том, что происходит «ныне». От древнегреческого мира, мира мечты, писатель возвращается к окружающей его реальности: «Я сижу один в сельском кабинете своем, в худом шлафроке (параллель «пурпуровой греческой мантии» — тот же прием, что в «Наталье», — *Н. К.*) и не вижу перед собой ничего, кроме догорающей свечки, измаранного листа бумаги и гамбургских газет, которые завтра поутру (а не прежде, ибо я хочу спать нынешнюю ночь покойным сном) известят меня об ужасном безумстве наших просвещенных современников».³⁰ Противопоставляя печальному настоящему гармонический мир древней Греции, Карамзин увеличивает и пространственные и временные расстояния по сравнению с повестью «Наталья, боярская дочь». В «Наталье» изображается старина сравнительно не такая давняя — XVII век, притом старина отечественная. Между прошлым и настоящим существуют еще какие-то связующие нити. Характерно, например, упоминание о «поселянах, которые и по сие время ни в чем не переменялись, так же одеваются, так живут и работают, как прежде жили и работали» (I, 627). В отличие от этой старины древние Афины — это уже бесконечно далекое прошлое, а чем дальше эта дистанция, тем больше свободы для художественного вымысла, для спасительной фантазии, уводящей от страшного сегодняшнего дня.

В период кризиса Карамзин более, чем когда-либо, готов предпочесть миф истории. Но замечательно, что одно от другого все более четко разграничивается в сознании писателя. Миф о «золотом веке», о счастливом существовании древних воспринимается исключительно как вымысел. Карамзин обращается к прямой полемике с Руссо и в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении» решительно отвергает его историческую концепцию. Счастливая Аркадия «есть не что иное, как приятный сон, как восхитительная мечта сего самого воображения. По крайней мере. — заявляет Карамзин, — никто еще не доказал нам исторически, чтобы она когда-нибудь существовала. Аркадия Греции не есть та прекрасная Аркадия, которую древние и новые поэты прельщают наше сердце и душу» (II, 130).³¹

Развивая концепцию, противостоящую руссоистской, Карамзин стремится защитить завоевания просветительской мысли с новых позиций, прямо или опосредованно используя гердеровские идеи о единстве и непрерывности исторического развития человечества. Преодолевая духовный кризис, Карамзин постепенно приходит к новому пониманию истории. События современности начинают осмысляться писателем как события исторические.

³⁰ Аглая, кн. 2. М., 1794, с. 59—60.

³¹ Курсив мой, — *Н. К.*